

Глава 35. Разница между мужчинами и женщинами.

Мне в голову пришли воспоминания Парулы, которые было относительно легко вспомнить, пока я думал о конкретной цели. Ключевым словом, которое я искал, было "воспоминания о зиме".

Я вспоминал небо, засыпанное снегом, сирот, сидящих вокруг камина, прячущихся в ветхой хижине Макдаффа, дрожащих и вынужденных спать ночью на соломе.

Но нам повезло, мы были нужны Макдаффу или, по крайней мере, он не дал нам умереть. Хижина была ветхой, но, тем не менее, она не пропускала ветер и снег. Камин обогревал комнату, и сироты обнимали друг друга и прятались в соломе, чтобы согреть друг друга теплом своего тела.

На улице более неудачливые бродяги ютились в укромных переулках, молясь, чтобы им все же удалось найти остатки еды и куски дерева.

На памяти Парула каждую зиму многие люди замерзали насмерть. В основном потому, что были слишком больны, чтобы оплатить лечение. И множество людей, не только бродяг и нищих, но и простых граждан не смогли увидеть следующую весну.

Потом я вспомнил, что Макдафф заставлял нас выходить, когда немного прояснялось, собирать палки и дрова. От Джаяда такой работы не требовалось, и его воровство было важной гарантией продовольствия.

Из воспоминаний Парулы я мог сделать вывод, что сейчас осень, причем не совсем поздняя, а только начинающаяся. Судя по моим воспоминаниям, эта зима тоже была настолько холодной, что могла бы сравниться с северо-востоком моей предыдущей жизни, если не быть еще хуже.

Я посмотрел на Джаяда с оттенком благодарности; насколько я помнил, Джаяд всегда заботился о нас, отдавая свою солому другим сиротам и добровольно отправляясь в лес за городом собирать ветки.

Парула выжила, потому что Джаяд спал с ней в обнимку всю зиму, кормил ее и давал ей украденную хлопковую одежду. Как будто Джаяд заботился о Паруле больше всех сирот.

Неудивительно, что Джаяд так естественно обнимал меня прошлой ночью, он уже делал это, и это чувство благодарности и привязанности даже задержалось в моей памяти, воздействуя на меня и заставляя меня хотеть увидеть его.

Затем я заметил, что Джаяд смотрит на меня подозрительно, такими странными глазами, что я не мог не спросить:

– Что случилось?

– Это, о Парула, впереди - мужская раздевалка. – Джаяд, казалось, на что-то намекал.

– А? – Я был так рассеян, что даже не заметил, что мы дошли до входа в раздевалки. Перед нами был проем, закрытый голубой занавеской, а позади нас, сразу за ней, был проем, закрытый розовой занавеской. Очевидно, впереди был мужская раздевалка, а позади женская.

Казалось, не было никаких проблем, наконец-то я мог принять душ с комфортом. Я с волнением пошел вперед, и тут меня остановил Джаяд:

– Нет, Парула должна быть на той стороне, это я должен быть в мужской раздевалке.

– А? Эээ!? – Я отреагировал на это на долю секунды медленнее, прежде чем до меня дошло: я больше не мужчина!

Потому что я еще не привык к этому, я даже не понимал, поскольку я только что увидел купальню, и теперь я могу зайти только в женскую душевую, я никогда не был в таком месте раньше. Ах.

Женские купальни, женские раздевалки были для меня как запретные цветы, таинственные сады, которые могли бы быть прекрасными и мечтательными, но в то же время заставляли меня бояться ступить в них ногой, чувствуя, что пойти туда - значит отказаться от своей прежней идентичности как мужчины.

Видя мое встревоженное лицо, Джаяд, похоже, воспринял это неправильно и сказал успокаивающе:

– Парула слишком выросла, ты не можешь продолжать купаться с братом, пора мыться самой.

<http://tl.rulate.ru/book/75550/2256978>